

КИТАЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ (И.ГОНЧАРОВ. «ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»)

К. Якубов (маг. 1 курс, Сам ГУ)

В настоящей статье раскрываются особенности китайской ментальности в восприятии русского писателя, на примере произведения И.Гончарова «Фрегат «Паллада».

Отдельные зарисовки Китая и китайцев, пусть и достаточно обширные, не сложились во «Фрегате «Паллада»» в единый образ - «мир Китая». Но это не стало препятствием к характеристике китайцев как нации. Может быть, именно вследствие этого воссоздание китайской ментальности выглядит у И.А.Гончарова столь анапичным. «Этому народу суждено играть большую роль в торговле, а может быть, и не в одной торговле» [1,405], - признает автор. И дело не только в огромности территории-населения, а в самом характере нации: «Китайцы - живой и деятельный народ, без дела почти никого не увидишь», «...нельзя не заметить ума, порядка, отчетливости и даже в мелочах полевого и деревенского хозяйства» [1,408]. Казалось бы, все это признаки отнюдь не «сонного Востока»...

В описании китайского народа Гончаров идет от поведения - быта к мировосприятию, которое есть продукт единственной из древних цивилизаций, доживших до XIX века. Сама по себе эта цивилизация путешественника мало интересует, куда важнее ее сравнение с «новой» - западной, христианской. Китайская цивилизация, по мнению Гончарова, находится в глубочайшем и безнадежном упадке: она «одряхла и разошлась с жизнью и парализует до сих пор все силы огромного народонаселения». При внешней активности отдельных лиц китайская нация в целом поражена духовной стагнацией: «...китайцы равнодушны ко всему. На лице апатия или мелкие будничные заботы... Да и о чем заботиться? Двигаться вперед не надо: все готово». «Мелочность и неподвижность» господствуют в науке и искусстве. «Все собственные источники исчерпаны, и жизнь похожа на однообразный, тихо, по капле льющийся каскад, под журчание которого дремлет, а не живет» [1,415].

Образ «сна» снова набирает силу. Это «сон души» (контраст «просветленному бытию»), потому что за трудолюбием и предприимчивостью, производящими «материальное благополучие» - духовная пустота: «у китайцев нет национальности, патриотизма и религии». И отсутствие именно последней оказывается решающим: «религиозный индифферентизм» становится главной приметой национальной ментальности китайцев, приведшей к потере народом смысла существования, человеческому оскудению: «Видишь, по мелочной суетливости китайца, по вниманию ко всему, что касается до окружающей его деятельности, и по беспечности во всем, что не входит в сферу его торгового, промысла, семьи, что взгляд его не простирается к главному началу всей этой деятельности, что у него нет никакой симпатии к этим началам, что весь он утонул в частных целях и оттого он эгоист, знает жену, отца, детей да Конфуция, который учит его так жить» [1,417].

Конфуцианство (официальная идеология тогдашнего Китая) - объект настойчивой критики писателя. В центре конфуцианской этики с ее идеями самоусовершенствования и строгого соблюдения норм и обычаев общественного поведения - безусловное подчинение авторитету Старшего, и именно это, подчеркивает

Гончаров, сковывает мысль китайца и парализует его инициативу: «Государю своему они подчиняются как старшему в семействе, без сознания политической необходимости в верховной власти. Эта необходимость ничем не освещена, ни религией, ни наукой, ни сравнением с опытами государственной жизни других, о которой они не знают. А старшему они подчиняются, как дети, потому что он сильнее, или умнее, или просто, потому что он в младенчестве их овладел их волею» [1,420]. Именно конфуцианство («немногие, скоро оскудевшие... нравственные истины») обвиняется Гончаровым в порождении таких черт китайской ментальности, как инфантилизм и социальный эгоизм: «...китайцы едва достигли отрочества и состарились. В них успело развиться и закоренеть индивидуальное и семейное начало и не дозрело до жизни общественной и государственной» [1,421].

Эта страна еще обладала для путешественника обаянием неразбуженности и сердечности в начале книги, но постепенно, переосмысляясь под знаком Прогресса и Цивилизации, обретала черты, соответствующие историческим реалиям. И Россия, и Япония в середине XIX века пожинали горькие плоды долгих лет неподвижности и изоляции (эпоха «николаевской реакции» - «период Эдо»), находились в глубоком кризисе. Япония стояла на пороге открытия торговли с Западом и последующей буржуазной революции. Россия - накануне поражения в Крымской войне и эпохи реформ Александра Второго.

Зарисовки матросской команды во «Фрегате «Паллада» », как правило, совпадают с описаниями празднеств (в эти редкие моменты весь экипаж одновременно оказывался на палубе). Путешественник отчужденно смотрит на веселящихся матросов, чувства и поведение которых ему, вернее всего, понятны не более, чем чувства и поведение японцев: «И вот морская даль, под этими синими и ясными небесами, оглашается звуками русской песни, исполненной неистового веселья, бог знает от каких радостей, и сопровождаемой иступленной пляской, или послышатся столь известные вам хватающие за сердце стоны и вопли от каких-то старинных, исторических, давно забытых страданий. И все это вместе, без промежутка: и дикий разгул, топот трепака, и истерические рыдания заглушают плеск моря и скрип снастей». «То разгулье удалое, то сердечная тоска» [1,444] - ноты, обычные в русской песне, раздражают путешественника «безмерностью» (эпитеты «неистовый», «дикий», «иступленный...») - рождается очередной «беспорядок», что нарушает гармонию вокруг («морская даль», плеск моря, «синие и ясные небеса») и создает «безобразия» («я - враг буйного веселия»)(446). В «унылых напевах» русских матросов знаменательно подмечен отзвук далекого прошлого («старинные, исторические, давно забытые страдания») [1,447].